

*Посвящается Кэтрин Джонс.
Какая это радость — дружба!*

*А также Райли и Ферд —
оба ушли навеки, но не забыты,
как и все другие существа,
малые и большие, которые добавляют
новые грани нашей жизни, пока они с нами.*

Пролог

Хранитель отставил подсвечник, открыл старый, переплетенный в кожу том и стал осторожно переворачивать страницы, пока не нашел искомую.

«...Говорят, они встречаются тайно, во мраке ночи, чтобы совершать свои странные обряды. Ходят слухи, что посвященные поклоняются змееволосой горгоне*. Иные утверждают, будто они собираются, чтобы исполнять повеления своего магистра, обладающего силой Медузы превращать человека в камень.

Сам же магистр, по словам немногих очевидцев, наделен странным и ужасным даром волшебства. Погрузив свои жертвы в состояние транса, он отдает им приказы. Когда же выводит их из этого состояния, они беспрекословно повинуются каждому его слову.

Тайна великая состоит в том, что те, на которых он испытывает свое искусство, не помнят, какие команды им велено было исполнить. Их память не хранит ничего из случившегося с ними.

Считается также, что могущество магистра многократно увеличивается силой непонятого камня, который

* Горгоны — мифические крылатые существа, три сестры, со змеями вместо волос. Одну из них звали Медузой. Все они обладали способностью взглядом обращать человека в камень. — *Здесь и далее примеч. пер.*

он носит. На камне вырезан устрашающий лик Медузы. Чуть ниже отрезанной шеи гнусного создания в камень вставлена палочка. Все это устройство якобы считается прообразом магического жезла и используется магистром культа для того, чтобы вводить людей в транс.

Резной камень подобен ониксу, если не считать того, что переливающиеся полосы имеют редкие и чрезвычайно странные оттенки голубого, а не, как обычно, белого и черного. Темный внешний слой имеет настолько глубокую окраску, что кажется почти черным. Он служит рамкой для изображения Медузы, вырезанного в более светлом слое камня, похожем цветом на дорогие, светлые сапфиры.

Золотой браслет, в который вправлен камень, украшен множеством мельчайших дырочек, образующих рисунок в виде сплетающихся змей.

Страх перед магистром чрезвычайно велик в этих местах. Во время таинственных церемоний, принятых у последователей культа, его фигура и лицо неизменно скрыты длинным плащом с капюшоном. Никто не знает его имени, но камень с головой горгоны и палочкой — его эмблема и печать, впрочем, как и источник его мощи.

Мне передали, что камень известен под именем Голубой Медузы».

Глава 1

Увидев Лавинию, поднимавшуюся на крыльцо дома семь по Клермонт-лейн, Тобиас сразу понял, что дело неладно. Широкие поля модной шляпки отбрасывали тень на лицо, исполненное чистейшей прелести и глубокого внутреннего обаяния, лицо, на которое он не мог наглядеться. Лицо, сейчас омраченное непонятым внутренним напряжением.

Судя по тому немногому, что он знал о ней, Лавиния редко грустила над сложной проблемой или неудачей: скорее стремилась безоглядно броситься в бой. Вернее, рвалась. По его мнению, даже слишком. Бесшабашная и опрометчивая — именно эти слова приходили на ум при воспоминании о Лавинии.

Он наблюдал за ней из окна своей маленькой уютной гостиной. Каждая клеточка его тела напряглась в предвкушении неминуемого поединка. Он терпеть не мог предчувствий, предзнаменований и всякой метафизической чепухи, но верил собственным инстинктам, особенно если речь шла о делах, касавшихся его нового партнера... и любовницы. Потрясенной Лавиния не выглядела. Уж кому-кому, а ему было известно, сколько всего требуется, чтобы поколебать ее неизменную сдержанность и вывести из себя.

— Миссис Лейк дома, — заметил он, оглядываясь на экономку.

— Давно пора!

Миссис Чилтон со вздохом глубочайшего облегчения отставила поднос и поспешила к двери.

— Думала уже, она никогда не доберется! Пойду возьму у нее пальто и перчатки. Она наверняка захочет разливать чай своим гостям. Да и ей самой чашечка не помешает.

Судя по выражению лица, Лавинии не помешало бы что-то покрепче, вроде хереса, хранившегося у нее в кабинете. По крайней мере так считал Тобиас. Но как ни жаль, с подкрепляющей дозой спиртного придется обождать.

Сначала необходимо потолковать с гостями, уже сидевшими в гостиной.

Остановившись у входной двери, Лавиния принялась рыться в большом ридикуле в поисках ключа. Теперь Тобиасу еще отчетливее были видны синие круги под прекрасными глазами и напряженно опущенные уголки губ.

Да что стряслось, черт возьми?!

За время расследования убийств в музее восковых фигур, закончившегося несколько недель назад, Тобиас привык считать, что достаточно хорошо знал Лавинию. Ее не так-то легко расстроить, смутить или напугать. Говоря по чести, за всю свою, временами весьма опасную, карьеру частного сыщика он встречал крайне мало людей обоого пола, сохранявших, подобно Лавинии Лейк, полное хладнокровие перед лицом угрозы.

Должно быть, случилось поистине нечто из ряда вон выходящее, чтобы довести ее до такого состояния.

Тревожный звончок, прозвучавший в глубине души, возымел весьма неприятное действие на Тобиаса, который, нужно признаться, и без того был на грани взрыва. Ничего, он непременно узнает все и постарается осмыслить новую ситуацию, как только застанет Лавинию одну.

К сожалению, это произойдет не так скоро. Похоже, что разговор с гостями будет долгий. Тобиасу они

не слишком нравились, хотя высокий, изящно-гибкий и модно одетый джентльмен, доктор Говард Хадсон, представился старым другом семьи.

Его жена Селеста была одной из тех необыкновенно привлекательных женщин, которые прекрасно сознают силу своего очарования и воздействия на мужской пол и ни в малейшей степени не задумываются использовать этот дар, чтобы беззастенчиво манипулировать мужчинами. Блестящие белокурые волосы были затейливо причесаны, глаза цвета летнего неба казались бездонными озерами.

Даме очень шло почти прозрачное муслиновое платье с узором из крошечных роз, отделанное розовыми и зелеными лентами. К ридикюлю был прикреплен маленький веер. Правда, Тобиас посчитал, что вырез платья чересчур низок для столь прохладного дня, ибо мартовская погода переменчива. Но он был почти уверен, что Селеста тщательно обдумала свой наряд, прежде чем ехать сюда.

За двадцать минут, проведенных в обществе супружеской пары, он пришел к двум непоколебимым заключениям. Первое: доктор Хадсон — шарлатан. Второе: Селеста — прожженная авантюристка.

Но он счел нужным держать свое мнение при себе. Вряд ли Лавинии оно понравится.

— Мне не терпится снова увидеть Лавинию, — сообщил Хадсон, вольготно развалившийся в кресле. — С нашей последней встречи прошло несколько лет. Буду счастлив представить ее моей дорогой Селесте.

Природа наградила Хадсона звучным, бархатным голосом опытного актера, пронизанным густыми, вибрирующими нотками, напоминавшими хорошо настроенный инструмент. И хотя каждый звук невыносимо действовал Тобиасу на нервы, приходилось признать, что он почти сверхъестественным образом притягивал самого придирчивого собеседника.

В своем темно-синем сюртуке безупречного покроя, полосатом жилете и брюках с заложенными по поясу складками он имел вид весьма представительный. А галстук! Завязанный сложным, совершенно необычным узлом, он наверняка послужил бы предметом восхищения шурина Тобиаса — Энтони. Двадцать один год — такой возраст, когда молодые люди еще уделяют пристальное внимание подобным вещам. Энтони, вне всякого сомнения, одобрил бы также оригинальные золотые брелоки, украшавшие часы Хадсона.

По прикидкам Тобиаса, доктору было лет сорок пять. Но природа наделила его скульптурными чертами человека, который независимо от возраста неизменно будет кружить дамам головы. Чего стоила копна черных волос, прошитая серебром! Кроме того, он умел носить одежду с таким изяществом и апломбом, которые сделали бы честь самому Красавчику Браммелу в расцвете его славы.

— Говард!

Озабоченность в глазах Лавинии мигом растаяла, стоило ей ступить через порог. Она порывисто протянула обе руки в дружеском приветствии.

— Простите за опоздание. Я ходила за покупками на Пэлл-Мэлл и совершенно упустила из виду время и уличную толчею.

Тобиаса потрясла столь молниеносная смена выражений ее лица. Не заметь он, что творилось с Лавинией всего несколько минут назад, когда она поднималась по ступенькам, ни за что не догадался бы, как сильно она встревожена.

И до чего же неприятно, что один лишь вид доктора Говарда Хадсона возымел столь разительный эффект! Очевидно, настроение ее сразу улучшилось.

— Лавиния, дорогая! — Говард поднялся и осторожно сжал ее ладони длинными, ухоженными пальцами. —

Невозможно выразить словами, как я счастлив снова видеть тебя после стольких лет!

Очередная волна почти неопишуемой, будоражащей тревоги захлестнула Тобиаса. Самой притягательной чертой доктора, если не считать голоса, были глаза, необычные, золотисто-карие, производящие совершенно неотразимое впечатление на женщин.

Должно быть, и голос, и глаза жизненно важны в его профессии.

Доктор Говард Хадсон подвизался в так называемой новой науке, называемой месмеризмом*.

— Я так обрадовалась, получив вчера вашу записку, — заметила Лавиния. — И не подозревала, что вы в Лондоне!

Хадсон улыбнулся.

— Это я пришел в восторг, обнаружив, что вы тоже в городе. Вообразите мое удивление, дорогая! Судя по слухам, вы и ваша племянница отправились в Италию в качестве компаньенок дамы по имени миссис Андервуд. По крайней мере, таковы были последние новости.

— Наши планы совершенно неожиданно изменились, — приветливо объяснила Лавиния. — Обстоятельства вынудили нас с Эмелин вернуться раньше, чем предполагалось.

Тобиас едва заметно приподнял брови, услышав столь невразумительное объяснение, но мудро промолчал.

— Что же, насколько я полагаю, весьма кстати.

Говард еще раз, по мнению Тобиаса, весьма фамильярно пожал руки Лавинии и с поклоном отступил:

— Позвольте представить мою жену Селесту.

* Лженаука, в основе которой лежит учение о «животном магнетизме», проповедуемое доктором Месмером в середине XVIII в. Месмер утверждал, что посредством этого магнетизма и гипноза можно излечивать все болезни.

— Как поживаете, миссис Лейк? — сладеньким голосочком пробормотала Селеста. — Говард так много рассказывал мне о вас.

Тобиас едва не рассмеялся вслух. Ничего не скажешь, до чего же забавно!

Хорошо отрепетированный, театрально-элегантный наклон головы не скрыл холодной расчетливости в ее хороших глазках. Он так и видел, как она оценивает, взвешивает и выносит приговор. Ясно также, что Лавиния для нее — не представляющее ни малейшей угрозы ничтожество, с которым можно не считаться.

В первый раз за весь день ему стало весело. Очевидно, дама явно недооценивала Лавинию. Что же, тем хуже для нее.

— Ваш приезд — большая радость для меня!

Лавиния села на диван, расправила юбки своего платья цвета сливы и взяла чайник.

— Не знала, что Говард женат, но счастлива это слышать. Он слишком долго жил один.

— Но что я мог поделать! — воскликнул Говард. — Это случилось год назад. Один взгляд на красавицу Селесту — и моя судьба была решена. Боги были милостивы ко мне. Я обрел не только прелестную жену и верную спутницу. Селеста также с безупречной аккуратностью ведет мои счета и книгу посещений. Представить не могу, как обходился до сих пор без нее!

— Вы льстите мне, сэр! — Селеста опустила ресницы и улыбнулась Лавинии. — Говард пытался обучить меня искусству гипноза, но, боюсь, у меня нет призвания к науке.

Она приняла от хозяйки чашку.

— Насколько я поняла, мой муж был добрым другом ваших родителей?

— Совершенно верно. — Тень грусти легла на лицо Лавинии. — В прежние времена он был частым гостем

в нашем доме. Мои родители не только питали к нему исключительную симпатию, но и называли себя его величайшими почитателями. Отец не раз говаривал, что Говард — самый талантливый гипнотизер, которого он когда-либо видел.

— О, я считаю это незаслуженным комплиментом, — скромно ответил Говард. — Ваши родители тоже были весьма опытными в этом искусстве. Я часто и с восхищением наблюдал за их работой. Стиль каждого был уникален, но оба достигали поразительных результатов.

— Мой муж сказал, что ваши родители погибли при кораблекрушении десять лет назад, — промурлыкала Селеста. — И что в том же году вы потеряли своего супруга. Должно быть, это время было чрезвычайно трудным для вас.

— Да, — кивнула Лавиния, наливая еще две чашки. — Но шесть лет назад ко мне переехала моя племянница Эмелин, и мы прекрасно поладили. Жаль, что вы ее не застали. Она с друзьями поехала на лекцию о римских памятниках и фонтанах.

Селеста мгновенно изобразила на лице вежливое участие.

— Вы и ваша племянница одни во всем мире?

— Я не считаю себя одинокой, — сухо ответила Лавиния. — Мы есть друг у друга, и этого достаточно.

— Тем не менее вас только двое. Две женщины без родных и родственников. — Селеста украдкой метнула взгляд на Тобиаса. — По моему опыту, остаться без поддержки и совета мужчины, на которые всегда можно положиться, — огромное несчастье для женщины. Ей самой приходится нести груз житейских забот.

Тобиас едва не выронил чашку с блюдцем, которые сунула ему Лавиния. И дело было не в совершенно неверных оценках личных качеств и способностей Лавинии и Эмелин. Его поразило совершенно другое: он мог бы поклясться, что эта женщина намеренно с ним флиртует.

— Мы с Эмелин прекрасно справляемся, благодарю вас, — чуть резче, чем необходимо, заверила Лавиния. — Осторожнее, Тобиас, вы разольете чай.

Поймав ее взгляд, Тобиас неожиданно сообразил, что под внешне гостеприимными манерами кроется обычное раздражение. Интересно, что он умудрился натворить на этот раз? Их отношения из неприязненных поначалу с неодолимой силой и почти без перехода переросли в такую пылкую страсть, что обоим было немного не по себе. Безумный роман находился в самом расцвете, и пока что Тобиас мог с уверенностью сказать лишь одно: им никогда не бывало скучно вместе. И новизна далеко еще не выветрилась.

Но сам он считал это несчастьем. Временами он многое отдал бы за несколько скучных минут с Лавинией. Тогда у него хотя бы было время отдышаться.

— Простите, Лавиния, — начал Говард с видом человека, решившегося затронуть деликатную тему. — Не могу не заметить, что вы забросили свою профессию. Скажите, вы не практикуете месмеризм, потому что в Лондоне на него нет спроса? Понимаю, насколько сложно привлечь выгодных клиентов без соответствующих связей в обществе.

К удивлению Тобиаса, вопрос, казалось, застиг Лавинию врасплох. Чашка в ее руке чуть дрогнула. Но Лавиния сумела быстро овладеть собой.

— Видите ли, я по ряду причин предпочла иную карьеру, — спокойно объяснила она. — И хотя неизведанные области гипноза манят меня так же сильно, как прежде, конкуренция последнее время стала поистине жестокой, и, как вы заметили, не так легко привлечь достойную клиентуру без связей и добрых знакомых в свете.

— Верно, — кивнул Говард. — Нам с Селестой придется немало потрудиться. Мне будет не так просто основать здесь свое дело.

— А где вы практиковали до сих пор? — осведомился Тобиас.

— Я провел несколько лет в Америке, путешествуя и читая лекции о месмеризме. Однако около года назад я почувствовал тоску по родине и вернулся в Англию.

Селеста ослепительно улыбнулась мужу:

— Я встретила Говарда в прошлом году в Бате. Там у него была процветающая практика, но он посчитал, что пора завоевать Лондон.

— И надеюсь обнаружить здесь множество интересных и необычных случаев, — серьезно добавил Говард. — Основная масса моих пациентов, как в Бате, так и в Америке, искали излечения от самых обычных болезней: ревматизм, женская истерия, бессонница — все в таком роде. Разумеется, все это вещи достаточно неприятные для больных, для меня же просто скучные.

— Говард намеревается проводить исследования и эксперименты в области месмеризма, — вмешалась Селеста, с обожанием глядя на мужа. — Он преданный последователь науки и надеется написать книгу на эту тему.

— А для того чтобы книга имела успех, я должен пользоваться пациентами с более сложными нервными расстройствами, чем те, которые обычно встречаются в Британии, — заключил Говард.

Глаза Лавинии зажглись энтузиазмом.

— Поразительная и достойная всяческого уважения цель! Давно пора воздать должное месмеризму! — Она метнула красноречивый взгляд в сторону Тобиаса. — Могу точно сказать, что множество плохо информированных людей все еще упорствуют в своем заблуждении, считая гипнотизеров невежественными знахарями и шарлатанами худшего разбора.

Тобиас проигнорировал укол и отпил немного чая. Хадсон тяжело вздохнул и скорбно покачал головой.